

© 2012 г. М.В. ДАЦИШИНА

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ: НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЙ. 1941–1944 гг.

Автор анализирует основные формы и методы внедрения немецкого языка (активный словарь; политика в области топонимии; замена шрифта с кириллицы на латиницу; интенсивное обучение немецкому языку молодежи и взрослого населения) на временно оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны, определяя, как основные интенции оккупационных администраций отражались в языковой политике, а также на каких уровнях происходила медиация (изменение и корректировка) первоначальных намерений оккупационных властей в области языковой политики.

Социальная коммуникация невозможна без единой кодовой системы, понятной как для инициатора коммуникации, так и для получателя сообщения. Такой кодовой системой чаще всего выступает естественный язык. Что касается временно оккупированных советских территорий во время Великой Отечественной войны, то языковая политика была частью политики оккупационной, она была тесно связана с продвижением основных установок оккупационных властей в отношении местного населения. В этой связи очень важным является замечание, что язык трудно обмануть, он всегда себя выдаст, проговорится.

Политическое руководство нацистской Германии традиционно уделяло большое внимание языку как инструменту социального управления. Планы колонизации советских территорий сделали языковую политику составной частью политики оккупационной.

Первым шагом языковой политики на временно оккупированных советских территориях стало введение немецкого языка как обязательной знаковой системы. На части территорий это проявилось во **введении двойных обозначений**. Немецкий язык, наряду с языком занятой области, использовался при обозначении улиц и населенных пунктов. Одной из причин было требование прагматики военного времени. Двойное обозначение топонимов – на русском (украинском / белорусском и пр.) и немецком языках – облегчало ориентацию немецких войск на местности. Стратегической задачей была подготовка населения к осуществлению плана, традиционно называемого планом «Ост», согласно которому часть населения СССР подлежала германизации, значительная часть – выселению в восточные районы или уничтожению, оставшаяся часть должна была стать услугой для вновь прибывающих немецких колонистов [Ахтамзян 2010: 248–279], и следовательно, должна была понимать язык завоевателей. В этом контексте насаждение немецкого языка и постепенное вытеснение языка оккупированных территорий было одной из важных задач: например, уже в январе 1942 г. в Брянском округе было приказано во всех населенных пунктах и на развилках дорог поставить столбы с табличками на немецком и русском языках, указывающие, куда ведет дорога и расстояние в километрах¹.

¹ Распоряжение по районам Брянского Окружного Управления от 12 января 1942 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 22. Автор опирается на широкий круг неопубликованных источников, избегая использовать в справочном аппарате статьи так называемые «глухие» ссылки на первоисточники (в каждом случае приводится полное название цитируемого документа, а не только архивные шифры).

В Латвии, напротив, с момента оккупации немецкий язык был объявлен государственным языком.

Таким образом, новая кодовая система начинала существовать либо параллельно с доминирующим на оккупированной территории кодом, либо претендуя на абсолютное доминирование, получив статус государственного языка.

Следующим важным шагом стало **переименование улиц и отдельных населенных пунктов, активное вмешательство в топонимику**. При любом социальном потрясении, считал известный исследователь языка нацистской Германии Виктор Клемперер, действуют две тенденции: «...во-первых, воля к совершенно новому, когда резко подчеркивается разрыв с предшествующими нормами, а во-вторых, потребность в подключении к существующей традиции для оправдания новизны. Нельзя быть абсолютно новым, всегда приходится возвращаться к тому, против чего нагрешила сменяемая эпоха: назад к человечеству, или к нации, или к нравственности, или к подлинной сущности искусства <...> Отчетливо проявляются обе эти тенденции в наименованиях и переименованиях» [Клемперер 1998: 99].

На оккупированных территориях СССР использовался опыт, приобретенный как на территории самой Германии, так и в оккупированных странах Европы.

В Германии основным объектом переименования становились «негерманские» названия. Это в равной степени было направлено против славянских, литовских, семитских корней в топонимах. К середине 1930-х гг. в Германии сохранялось значительное число топонимов славянского происхождения. Вспомним, что в сложносоставных названиях многих деревень в районе Мекленбурга встречалось прилагательное *wendisch*, т. е. «вендский», или лужицкий, относящийся к лужицким сербам, славянам, жившим в окрестностях Котбуса² и Дрездена. Согласно немецкой прессе того периода, в Померании было онемечено 120 славянских названий, в Бранденбурге – 175, в Силезии – 2 700, в округе Гумбиннен, где встречалось значительное количество литовских названий, из 1 851 населенного пункта было переименовано 1 146³.

В ряде оккупированных стран Европы при переименовании новым названием города или улицы также становилось немецкое имя собственное. Как правило, удалялись имена известных исторических деятелей конкретной страны. Так, после оккупации Страсбурга улица Жана Батиста Клебера⁴ была переименована в улицу Адольфа Гитлера.

В Эльзасе и Лотарингии был официально запрещен французский язык, с 27 апреля 1941 г. за его употребление могли дать год тюрьмы. 29 июля 1941 г. все названия улиц были изменены на немецкий лад. Везде, даже в небольших селах, должна была быть площадь имени Гитлера. За употребление французских приветствий *bonjour*, *adieu*, *au revoir* налагался штраф в несколько марок [Семиряга 2000: 355].

Польский город Лодзь был переименован в Лицманнштадт и носил это название с 1939 по 1944 г. Это название город получил по фамилии немецкого генерала Карла Лицмана⁵.

Менялись названия целых стран. После плебисцита 10 марта 1938 г., когда в обстановке террора, с одной стороны, и пропагандистской шумихи, с другой, большин-

² Неслучайно одна из крупнейших и едва ли не самых жестоких акций против белорусских партизан была названа оккупантами «Котбус». Смысловая нагрузка такого названия объяснялась претензией нацистов, которые объявляли себя представителями высшей, арийской, расы, на борьбу с низшими расами. В предместье Котбуса уничтожались славянские топонимы, в Белоруссии – носители славянской культуры и языка.

³ «Dresdner Zeitung». 15.11.1942.

⁴ Клебер (Kleber) Жан Батист (1753–1800) – уроженец Страсбурга, известный военачальник, сподвижник Наполеона Бонапарта.

⁵ Лицман (Litzmahn) Карл (1850–1936) – германский генерал пехоты, участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. В период Первой мировой войны возглавил 3-ю Гвардейскую дивизию, успешно действовавшую в Восточной Пруссии. Во время лодзинской операции попал в окружение, откуда прорвался с боем. После подписания Версальского мира вел прогерманскую пропаганду в Латинской Америке, вступил в НСДАП.

ство австрийцев высказалось за аншлюс с Германией, из официальных немецких документов стало исчезать все то, что говорило о суверенитете бывшей Австрийской республики. Слово *Австрия* постепенно исчезло из официального политического дискурса нацистской Германии и его заменило слово *Остмарк*. Следующим шагом стало распоряжение начальника имперской канцелярии от 8 апреля 1942 г., официально заменявшее термин «Австрия» названием «Альпийские и Дунайские имперские округа» [Семиряга 2000: 160].

На оккупированных территориях СССР вводились новые географические обозначения, которые не существовали до 22 июня 1941 г. Известная инструкция «О языковых понятиях на Востоке» от 18 июля 1942 г. была призвана ликвидировать путаницу среди самих оккупационных сил и их берлинского руководства. Время появления такой инструкции было неслучайным: в 1942 г. (особенно осенью) площадь оккупированных советских территорий была максимальной за все время Великой Отечественной войны. Оккупационные силы старались определиться с дефинициями, чтобы не возникало путаницы во внутренней переписке. Назовем основные понятия, вводимые в инструкции [Семиряга 2000: 229].

– «Оккупационные восточные районы» (*besetzte Ostgebiete*) охватывали все оккупированные советские территории, кроме районов Белостока, Львова, Транснистрии и Карелии.

– «Немецкий восток» (*Deutscher Osten*) – немецкая имперская территория на востоке – включал Восточную Пруссию, Данциг, Западную Пруссию, Варталанд, Верхнюю и Нижнюю Силезию. Данные территории входили в состав Третьего Рейха.

– «Восток» (*Osten*) охватывал районы Прибалтики, Генерал-губернаторства (часть Польши и Западной Украины) и СССР. Данное понятие не включало Японию, Китай, Маньчжурию, которые относились к «Восточной Азии» (*Ostasien*).

– «Восточным пространством» называлась вся территория СССР в границах на 22 июня 1941 г.

– «Восточная Европа» (*Osteuropa*) объединяла Прибалтику и СССР до Урала включая Кавказ (кроме Генерал-губернаторства, которое относилось к Германии).

– Название «Балты» (*Balten*) относилось не ко всем жителям Прибалтики, а лишь к проживающим там немцам.

– Понятие «Украина» обозначало только территорию созданного на оккупированной территории рейхскомиссариата «Украина» без Транснистрии и Галиции.

– Название «Советская Россия» распространялось не на весь Советский Союз, а только на территорию РСФСР.

Что касается отдельных топонимов на временно оккупированных советских территориях, то Гитлер прямо заявлял, что он заменит славянские географические названия на немецкие: например, Крым, по его мнению, должен был называться Готенланд [Тревор-Ропер 2004: 128]. На Нюрнбергском процессе Альфред Розенберг подтвердил, что планировалось переименовать Симферополь в Оттенбург, а Севастополь в Теодорихгафен [Нюрнбергский процесс 1960: 170].

Топонимика была важной частью оккупационной языковой политики: она была призвана оправдать немецкое присутствие и со временем убедить население, что оккупация является торжеством исторической справедливости.

Спекулятивное использование метафор *свобода* и *освобождение*, которые были основным лозунгом нацистской пропаганды на оккупированных советских территориях⁶, имело разные интерпретации для разных зон оккупации: **освобождение от сталинского социализма** и **освобождение от советского (русского) присутствия (влияния)**. С этой целью из топонимики выдавливались советские названия (все оккупированные территории) и русские названия (Белоруссия, Украина, Прибалтика). Параллельно с этим процессом, иногда с небольшим опозданием, вводилась программа актуа-

⁶ Подробно автор анализирует язык нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях в работе [Дацишина 2011в].

ции исторического прошлого, описывающего реальное или мнимое присутствие немецких поселенцев на территориях СССР. «Нам нужны новые названия, которые закрепят наши права на две тысячи лет вперед», – заявлял Гитлер ближнему окружению [Там же]. Важным инструментом планомерной политики онемечивания оккупированных территорий стал поиск на них немецких корней. Ведомство А. Розенберга, имперского министра по делам оккупированных восточных территорий, направляло специальные рабочие группы, включавшие научных экспертов, подобранных по направлениям. Каждая рабочая группа имела конкретные задачи. Так, в задачи группы «Этнография» входило следующее:

1. Взять в занятых областях под контроль особо ценные проявления народной культуры (предметы, архивные документы, произведения письменности и т.д.), и в особенности [культуры] проживающих там немецких меньшинств.

2. Взять под контроль свидетельства германо-немецкого влияния на культуры местных народов и выявление элементов индоевропейского происхождения в духе того или иного народа.

<...>

5. Выявить свидетельства борьбы в области культуры против местных немецких меньшинств⁷ [Картотека «Z» 1998: 18].

Например, в окрестностях Минска велись археологические раскопки с целью доказать, что найденные там предметы относятся к позднейшей эпохе викингов. Утверждалось, что это могильники германских племен, которые положили начало русскому государству и создали в Смоленске крупный торговый и политический центр.

Развернутый материал для анализа того, как с помощью переименований вводились немецкие названия, как менялась смысловая нагрузка топонима, дает перечень переименованных улиц оккупированного Минска⁸. Рассмотрим таблицу, где указаны довоенные названия улиц Минска и названия, данные оккупационными властями.

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Адрадценна	Мопровская
А л е с я Г а р у н а	<i>Нет информации</i>
Аэропорта	Московская
Артиллерийская	Пролетарская
Бахрейн	Чичеринская
Бахудевича	Краснознаменная
Бенца	Пульховская
Бисмарка	Белорусская
Базарная площадь	Свободы площадь
Базарная ул.	Ленинская
Вокзальная	<i>Нет информации</i>
Вихрова	<i>Нет информации</i>
Волоцкая	Краснозвездная
Варшавская	Московская
Водный пер.	<i>Нет информации</i>

⁷ Выделено мной. – М. Д.

⁸ Наименование улиц г. Минска по состоянию на 1 мая 1943 г. Справка подготовлена старшим помощником начальника секретного отдела Центрального штаба партизанского движения капитаном Карповым. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 124–125.

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Виленская	Виленская
Гаусса	2-я Долгобродская
Гнейзенау	<i>Нет информации</i>
Гродненская	<i>Нет информации</i>
Гуттенберга пер.	<i>Нет информации</i>
Ганзейская	<i>Нет информации</i>
Главная	Советская
Даймлера	<i>Нет информации</i>
Дрезденская	<i>Нет информации</i>
Длинная	Раковского
Железнодорожная	<i>Нет информации</i>
Западных казарм	Дзержинского
Ивановский пер.	<i>Нет информации</i>
Ген дер Шляйфе	2-я Леккерта
Каниец	Григорьевская
Кальварии пер.	<i>Нет информации</i>
Комендантская	Карла Маркса
Коперника	<i>Нет информации</i>
Льняная	Новозамковая
Левского пер.	<i>Нет информации</i>
Лип	Володарского
Луцкевича пер.	<i>Нет информации</i>
Луцкевича ул.	Толстого
Лютцова	Ново-Романовская
Лесная	<i>Нет информации</i>
Молодости	Тарасовский пер.
Марцинкевича	<i>Нет информации</i>
Могилевская	Могилевское шоссе
Молодечно	<i>Нет информации</i>
Московская	<i>Нет информации</i>
Немецкая	Карла Либкнехта
Нашенивский пер.	Сергеевская
Новый переулок	<i>Нет информации</i>
Николаевская	Кропоткина
Новоградская	<i>Нет информации</i>
Набережная	Кожевенная
Оперная площадь	Парижской коммуны площадь
Оперная ул.	Пролетарская
Пивная	Александровская
Полевая	<i>Нет информации</i>

Название, данное оккупационными властями	Довоенное название
Пехотная	<i>Нет информации</i>
Первомайская ⁹	Первомайская
Парковая	Госпитальная
Потсдамская	Красноармейская
Поперечная	<i>Нет информации</i>
Победы	Свердловская
Речной пер.	<i>Нет информации</i>
Радио	Моисеевская
Рижская	Комаровская
Роберта Коха	<i>Нет информации</i>
Рентгеновский пер.	<i>Нет информации</i>
Рутенский пер.	<i>Нет информации</i>
Старозамковая	1-я Долгобродская
Стадионная	Университетская
Садовая	Комсомольская
Стенная	Нижнее-Серпуховская
Средняя	Республиканская
Северная	Логейский тракт
Саперная	Московская
Сергея Полуяна	<i>Нет информации</i>
Смоленская	<i>Нет информации</i>
Своячный пер.	<i>Нет информации</i>
Тюремная	Урицкого
Танковая	Интернациональная
Театральная ул.	Энгельса
Театральный пер.	<i>Нет информации</i>
Университетская	<i>Нет информации</i>
Ф а б и я н а - Ш а н т ы р	<i>Нет информации</i>
Фабричная	Оранская
Флемир-Шика	Пугачевская
Флорион пер.	<i>Нет информации</i>
Фуггера	Розы Люксембург
Хохплац (Высокая площадь)	Нижний базар
Церковная	Революционная
Черный пер.	<i>Нет информации</i>
Черноморский пер.	<i>Нет информации</i>
Шоссейная	Кальварийская
Шилл пер.	<i>Нет информации</i>
Шверинская	<i>Нет информации</i>
Южная	Червеньский тракт

⁹ В нацистской Германии 1 мая отмечался как День труда: распустив профсоюзы и присвоив их имущество, режим оставил праздник 1 мая как символ освобожденного труда.

Выделим основные тенденции политики, проводившейся в области топонимии.

1. Общим для всех карт оккупированных городов стало исчезновение таких улиц, как *Интернациональная*, *Революционная*, *Карла Либкнехта*, *Розы Люксембург*, *Луначарского*, *Чичерина*, *Ленина*, *Урицкого*, *Энгельса*, *Пролетарская*, *Парижской коммуны*, *Комсомольская*, *Кропоткина*, *Володарского*, *Раковского*. Итак, **первым** направлением введения новых топонимов стало **исключение из названий советских терминов**. Новые названия, как правило, были либо возвращением дореволюционных, которые не использовались более двадцати лет; либо легитимным закреплением названий, конвенционально использовавшихся местными жителями. Все названия сельсоветов (в оккупации – волостей), которые были советскими, изменялись. Например, Первомайская волость была переименована в Ливскую; Красноармейская – в Нашёкинскую; Красная – в Сутокскую; Луначарская – в Езерищевскую; Пролетарская – в Лопатовскую; Знаменская – в Чайкинскую; Калининская – в Лужковскую; Чайкинская – в Луковскую¹⁰. В данном случае обращает на себя внимание двойное переименование (**А** меняется на **В**; **В** меняется на **С**; в обоих случаях достигалась главная цель: уничтожение советских обозначений населенных пунктов). В Брянске улицу Урицкого стали называть Успенской, Луначарского – Старо-Соборной, пригородный поселок Урицкий – Мальцевским¹¹. С исчезновением советской терминологии **вымарывался целый период жизни общества**, равный жизни одного поколения (20–25 лет).

2. С учетом политики национального раскола, которая проводилась оккупационными властями, в Белоруссии и Украине, равно как и в Прибалтике, из названий убирались не только советские наименования, но и имена деятелей российской истории и культуры, **последовательно уничтожались «следы русского влияния»**. Так, переименовывались улицы *Толстого*, *Пугачевская* и пр.

В одной из финских газет, которые издавались на оккупированной Финляндией территории Восточной Карелии, 12 февраля 1943 г. были напечатаны новые названия улиц Петрозаводска. «Впервые за время своего существования Петрозаводск получает национальные финские названия улиц. Таким образом, город приобретает подлинно национальный характер, который ему как важнейшему национальному пункту Восточной Карелии и подобает иметь. Лицо города становится все более финским. В стирании следов *рюсси*¹² из города этим сделан еще один большой шаг вперед, и Петрозаводск таким образом получает новый наглядный знак того, что это финский город, а не русский <...> Это национальные, финские названия, по ним сразу видно, что здесь, в Восточной Карелии, мы ходим по старой финской земле. Ряд названий взят из сферы калевальской культуры, и этим подчеркивается тот факт, что карельская культура представляет собой древнюю финскую культуру, которая решительно отличается от всякого русского образа мышления» [По обе стороны... 1995: 312–313]¹³.

В коллаборационистской прессе появлялись статьи «Белорусы не русские»¹⁴. Белоруссия стала называться Белорутенией, а белорус – белорусином. Это новое название

¹⁰ Выписка из приказа №17 начальника Идрицкого района Либек от 14 января 1942 г. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1142. Л. 224.

¹¹ Приказ по Брянской городской управе о переименовании улиц, поселков и площадей города Брянска от 30 октября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 107.

¹² «Рюсси» – оскорбительное, уничижительное название русских на финском языке.

¹³ В оккупированной Финляндией части Восточной Карелии проводилась последовательная политика в области топонимии. Наиболее известны два документа: «Из списка центральных улиц села Олонца, переименованных финскими оккупационными властями» и «Из списка улиц Петрозаводска, переименованных финскими оккупационными властями». Оба документа относятся к январю–февралю 1943 г. Из них следовало, что улица *Карла Маркса* переименовывалась в *Главную*, *Фридриха Энгельса* – в *Центральную* или *Садовую*, *площадь 25 Октября* – в *Административную*, *площадь Кирова* – в *площадь Свободы*, *Ленина* – в *Карельскую*, *Первомайское шоссе* – в *Беломорское*, *Куйбышева* – в *Северную*, *Пушкинская* в *Лённрота*, *Гоголя* – в *Воина*, *Льва Толстого* – в *Казарменную*, *Грибоедова* – в *Вокнаволоцкую* и пр. Подробнее см. [По обе стороны... 1995: 307–308, 312–315].

¹⁴ «Minsker Zeitung». 4.07.1942 г.

должно было постепенно стереть представление об исторически сложившейся общности и дружбе с русским народом и послужить удобным приемом для дальнейших исторических фальсификаций.

3. В Белоруссии, **заигрывая с частью националистически настроенного населения**, оккупационные власти называли некоторые улицы городов именами деятелей культуры, выступавших за национальное возрождение, а также известных своими анти-советскими убеждениями (например, лидеров белорусской эмиграции в Литве, которые в 1920-е гг. объединялись вокруг журнала «Наша нива»). В качестве примера приведем минскую улицу, названную в честь поэта Алесея Гаруна (псевдоним Александра Владимировича Прушинского, активного участника национального и революционного движения начала XX в., который провел девять лет в иркутской ссылке, активно выступал за белорусское национальное возрождение вплоть до своей смерти в Польше в 1920 г.)¹⁵. Это был один из приемов добиться снижения сопротивления населения, его нейтрализации или привлечения его на свою сторону путем различных туманных обещаний. В плакатах и листовках, напечатанных миллионными тиражами, содержались намеки на решение вопроса о государственной самостоятельности: «Пробил час вашего освобождения» или «Вы теперь можете взять власть в свои руки», «Помогайте германскому командованию установить власть, свободную от большевистских тиранов». Однако в действительности ни о каком создании даже марионеточных правительств речи не шло. Значительная часть националистов оказалась в тюрьмах. Особенно жестким репрессиям подвергались националистически настроенные деятели Украины, Литвы и Латвии. Часть из них, как Бандера¹⁶, были отправлены оккупационными властями в зоны заключения. В рижской тюрьме нередко в одной камере оказывались и просоветски настроенные жители Риги, и откровенные националисты. Лишив государственности, культуры, средств производства и источников существования, истребляя народы, оккупационные власти в своей пропаганде преподносили оккупацию как освобождение, защиту национальных интересов. Но переименования улиц в честь деятелей национального движения (наряду с разрешенными казацкими чубами) оставались единственным подтверждением национальной идентичности.

4. Гитлер неоднократно подчеркивал, что вся Прибалтика должна стать частью рейха. Так, после объявления в Латвии немецкого языка государственным многие улицы Риги **были переименованы на немецкий лад**. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Исчезли улицы Яна Райниса¹⁷ и Валдемара¹⁸, известных деятелей движения за независимость Латвии.

Все улицы не могли быть названы в честь Гитлера. Тем не менее новые немецкие названия несли значительную смысловую нагрузку. Какова была семантика этих новых названий?

Самым популярным приемом нацистской пропаганды было встраивание нацизма в контекст европейской и мировой истории. Нацисты объявляли себя наследниками великого прошлого Германии, продолжателями ее лучших традиций. Во-первых, улицы

¹⁵ Поскольку данная тема выходит за рамки нашей статьи, мы лишь отметим переименование минских улиц и переулков в честь деятелей Белорусской Народной Рады периода 1920-х гг. – братьев Луцкевичей и Сергея Полуяна, Фабиана Шантыра; а также наименование Нашенивский пер. – от названия журнала «Наша нива», который был трибуной белорусской эмиграции в Литве (в таблице выделены разрядкой).

¹⁶ Бандера Степан (1909–1959) – лидер и идеолог организации украинских националистов. 5 июля 1941 г. помещен в центральную Берлинскую тюрьму. В 1942–1944 гг. находился в специальном бараке для влиятельных политических фигур оккупированных нацистской Германией стран в концлагере Заксенхаузен.

¹⁷ Райнис (псевдоним Яна Плиекшанса) (1865–1929) – латышский поэт, переводчик, политик, один из авторов Латвийской конституции, духовный лидер латышского народа.

¹⁸ Валдемар Кришьян (1825–1891) – латышский общественный деятель второй половины XIX в. В 1862–1865 гг. К. Вальдемар, Ю. Алунан и К. Барон издавали в Петербурге газету «Петербургас авизес» («Петербургская газета»), распространявшуюся и в Латвии.

стали носить имена политических лидеров Германии, которые символизировали ее великое историческое прошлое, поскольку внесли действительно большой вклад в ее историю (Бисмарк¹⁹, Фуггер²⁰). Во-вторых, улицы назывались в честь видных представителей немецкой науки и культуры (*Рентгеновский*²¹ переулок, улицы *Гауса*²², *Роберта Коха*²³), а также культовых для лидеров нацистской Германии автомобильных конструкторов (*Бенца*²⁴, *Даймлера*²⁵). В-третьих, отдельный раздел представляли наименования, связанные с деятелями немецкой истории, которые были знаковыми фигурами для политической и военной элиты нацистской Германии (*Лютцов*²⁶, *Гнейзенау*²⁷). В Берлине периода Второй мировой войны были и Лютцовплац, и Лютцовштрассе [Васильчикова 1994: 124]. В-четвертых, использовались немецкие топонимы (*Хохплац*²⁸, переулок *Флорион*²⁹). В-пятых, улицы получали названия, символизировавшие историческую обусловленность оккупации тем, что захваченные области якобы традиционно входили в сферу немецкого (*Ганзейская*³⁰ улица). В-шестых, улицы назывались в честь

¹⁹ В приведенной выше таблице такие названия выделены полужирным шрифтом.

Бисмарк (Bismarck) Отто фон (1815–1898) – первый канцлер Германской империи. В 1859–1862 гг. был посланником прусского императора в Санкт-Петербурге, изучал русский язык, тесно общался с главой внешнеполитического ведомства Российской империи князем А.М. Горчаковым.

²⁰ Фуггеры (Fugger) – знаменитый род немецких промышленников и предпринимателей XV–XVII вв.

²¹ Рёнтген (Rontgen) Вильгельм Конрад (1845–1923) – знаменитый немецкий физик, которому принадлежит открытие рентгеновских лучей. Стал первым лауреатом Нобелевской премии (1901) в области физики. Вел очень скромный образ жизни, по первому призыву немецкого правительства к гражданам Германии во время Первой мировой войны отдал свои сбережения, включая Нобелевскую премию, в фонд обороны Германии.

²² Гаус (Gauß) Карл Фридрих (1777–1855) – немецкий математик с мировым именем. В 1824 г. был избран членом Петербургской академии наук.

²³ Кох (Koch) Роберт (1843–1910) – крупнейший микробиолог, открывший бациллу сибирской язвы, холерный вибрион. В 1905 г. за открытие туберкулезной палочки и исследования туберкулеза был награжден Нобелевской премией в области физиологии и медицины.

²⁴ Бенц (Benz) Карл (1844–1929) – немецкий изобретатель, инженер, автоконструктор. В 1926 г. объединил свою компанию с фирмой Даймлера, образовал известную «Даймлер-Бенц», которая существует до сегодняшнего дня.

²⁵ Даймлер (Daimler) Готлиб (1834–1900) – немецкий инженер, конструктор и промышленник. Разработал вместе с Вильгельмом Майбахом первый автомобиль (1889 г.) и несколько типов двигателей внутреннего сгорания.

²⁶ Лютцов (Lutzw) Адольф фон (1782–1834) – немецкий Денис Давыдов, во время оккупации Пруссии Наполеоном Бонапартом возглавивший партизанскую войну в тылу врага. Попал во французский плен и был допрашиваем лично Наполеоном. В его честь в Германской империи был назван линейный крейсер «Лютцов»; в нацистской Германии – тяжелый крейсер «Лютцов» и дивизия СС.

²⁷ Гнейзенау (Gneisenau) – немецкий линкор Второй мировой войны (особенно активно использовался против британских конвоев и боевых соединений в 1940 г.), названный в честь фельдмаршала и реформатора Прусской армии Августа Вильгельма Гнейзенау и в память о затопленном в годы Первой мировой войны одноименном немецком крейсере. Гнейзенау во всех трех смысловых контекстах – крейсера двух мировых войн и имя собственное известного прусского военного деятеля – были знаковыми для представителей военной элиты нацистской Германии.

²⁸ Хохплац – нем. Hochplatz ‘высокая площадь’.

²⁹ Флорион – нем. Florian ‘цветочная’ (улица). Это название также может быть связано с двумя именами собственными: 1) святой католической церкви Флориан Лорхский и 2) Флориан Гайер – один из наиболее почитаемых героев Крестьянской войны в Германии (XVI в.), имя которого в нацистской Германии 9 сентября 1942 г. было присвоено 8-й кавалерийской дивизии СС.

³⁰ Ганза (Hansa) – союз немецких городов в XII–XVII вв., созданный для защиты торговли, с одной стороны, от власти феодалов, с другой стороны, от пиратства. В союз входили немецкие города или города с немецким населением, которые имели право самостоятельного автономного управления. Ганза имела свои представительства в ряде городов Европы, в том числе в русском Новгороде.

немецких городов или аналогичных улиц в немецких городах (*Потсдамская, Дрезденская, Немецкая*; улица *Лип* семантически отсылала к знаменитой берлинской «Улице под липами», *Унтер-ден-Линден* (*Unter den Linden*)). Иногда представители оккупационных администраций, участвовавшие в программе переименования, называли улицу оккупированного города в честь своего собственного города.

Таким образом, через переименования улиц и отказ от прежних названий проводилось сразу несколько манипуляций массовым сознанием: стирание 25-летнего периода советской истории и отбрасывание к началу XX в.; активная экспансия немецкого языка, представление Германии передовой и развитой страной, которая является источником культуры для оккупированных территорий и безусловным примером для подражания; выдвижение новых героев, новых образцов для подражания; декларация исторической предопределенности оккупации, адресация к тому, что данные территории были интегрированы в экономическое и культурное пространство, единое с немецкими городами, и испытывали значительное немецкое (германское) влияние.

Подчеркнем, что онемечивание названий имело на разных территориях различную динамику. Чем дальше оккупированные области находились от границы СССР, нарушенной 22 июня 1941 г. армиями вермахта, тем реже использовались немецкие названия при переименовании. На территории Белоруссии, Украины, Прибалтики новые названия имели немецкое происхождение чаще, чем на оккупированной территории РСФСР. Отчасти это было связано с сохранившимися топонимами немецкого происхождения и наличием областей, где с XVIII в. компактно проживало немецкое население. Однако основной причиной было восприятие оккупированных западных областей СССР надежно завоеванными, где новая власть чувствовала себя уверенно и собиралась остаться навсегда, а потому данные территории можно было смело объявлять «областью рейха».

Со времен египетских фараонов завоеватели традиционно давали новые имена представителям покоренных народов³¹. Впрочем, автор статьи пока не обнаружил в российских архивах информации о специфике выбора имен для новорожденных или рекомендаций со стороны оккупационных властей при регистрации младенцев.

Частным случаем переименования можно считать **введение системы новых обращений** на временно оккупированных советских территориях. Так, на собраниях по выбору сельских старост в деревнях Московской области (Жилетово, Тонино, Осеньевская слободка и др.) было заявлено, что называть друг друга товарищами не нужно, обращаться друг к другу нужно «гражданин», а к старосте – «господин»³².

Следующим шагом последовательной германизации местного населения и раскола славянских народов стала **замена кириллицы латинским шрифтом** (Белоруссия). «Латинский шрифт, – заявляла немецкая газета “Минскер цайтунг”, печатавшаяся в Минске, – это общеевропейская культурная ценность. Белоруссия отвернулась от азиатской культуры и старается примкнуть к европейской, тем более что она окончательно принята в семью европейских народов. Поскольку в Германии признан латинский шрифт, значит, он должен стать единым шрифтом и для Белоруссии»³³. Онемечивание в Белоруссии, где последовательно проводилась политика «освобождения от русского влияния», происходило с младшего школьного возраста. С сентября 1942 г. в школах Минска с первого класса вводился латинский шрифт, что должно было явиться дальнейшим шагом по пути раскола русской и белорусской культуры³⁴.

В доктринальные установки политического руководства нацистской Германии вмешивались реалии оккупированных территорий СССР. Отказаться сразу от славянских

³¹ Вспомним книгу Бытия, где Иосифа в Египте называли Цафнаф-панеах (Быт 41, 45).

³² Протокол допроса немецкого старосты Беляева Г. А., составленный 5 января 1942 г. старшим следователем особого отдела НКВД 43-й армии лейтенантом госбезопасности Махотиным. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 18.

³³ «Minsker Zeitung». 14.09.1942.

³⁴ «Minsker Zeitung». 24.09.1942.

топонимов, заменив их на немецкие, было невозможно при условии, когда основная масса населения не владела немецким языком.

Введение обозначений на немецком языке дополнялось введением **расширенного преподавания немецкого языка в школах на оккупированных территориях**³⁵.

Недельную программу в начальной школе можно представить в виде таблицы³⁶.

Предметы	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс
Немецкий язык	–	–	4	6
Русский язык (значительное количество часов обманчиво, т.к. сюда включалось также пение, рисование и чистописание)	9	9	6	6
Арифметика	6	6	4	4
География	–	–	2	2
Естествоведение	–	–	2	2
Рукоделие	–	3	3	3
Физкультура	3	3	3	3
Всего уроков в неделю	18	21	24	26

Характерны замечания о требованиях к степени изученности того или иного предмета, своеобразный список компетенций ученика. По предмету «немецкий язык» ученик должен был «научиться изъясняться по-немецки в повседневной жизни»³⁷ (разрядка моя. – М. Д.).

Не будем забывать, что реалии повседневной жизни, в которой был необходим немецкий язык, устанавливались самими оккупационными властями. Поэтому объем активного словаря немецкого языка, который служил основным средством коммуникации, в значительной степени определялся самим оккупационным режимом.

В этой связи интересно не столько обращение к школьным программам изучения немецкого языка, сколько усилия по вовлечению в новую знаковую систему и взрослого населения. Значительная часть пропагандистских материалов была подготовлена с учетом специфики сельских жителей, которых на оккупированных территориях было больше, чем городского населения³⁸. Так, оккупационными властями выпускались календари сельского хозяина, где наряду с материалами по уходу за домашними животными и сельскохозяйственным работам размещались и материалы, призванные закрепить установки оккупационных властей. В таких изданиях печатались перечни знаменательных дат с указанием дней рождения лидеров нацистской Германии, размещались русско-немецкие самоучители и разговорники.

Рассмотрим особенности наполнения **самоучителя немецкого языка для взрослого населения** на примере одного из календарей сельского хозяина³⁹. Для того чтобы не утяжелять текст, мы не всегда будем давать перевод русских слов на немецкий язык, сохраняя перевод немецкого слова на русский язык, который был дан в словаре

³⁵ Особенности учебных программ на оккупированных территориях автор рассматривает в работах [Дацишина 2011а; 2011б].

³⁶ Доклад об итогах развития партизанского движения, борьбы партизан с немецкими оккупантами и положения в оккупированных районах Калининской области с начала Отечественной войны до 1 августа 1943 г. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 278.

³⁷ Там же. Л. 278–278 об.

³⁸ Споры о количестве жителей на оккупированных территориях до сих пор продолжаются. Будем считать, что в той или иной степени оккупации подверглись территории, где до войны проживало около 80 млн. человек.

³⁹ Народный календарь на 1943 год. Спутник сельского хозяина. Псков: Издательство «Новая жизнь». 1943. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1203.

самоучителя. Упомянем, что даже для многозначных слов давался только один вариант перевода.

Жителю оккупированной территории предлагалось знать перевод 84 немецких глаголов⁴⁰:

иметь (haben)	ненавидеть (hassen)
быть (sein)	выиграть (gewinnen)
чувствовать (fühlen)	потерять (verlieren)
видеть (sehen)	искать (suchen)
слышать (hören)	находить (finden)
жить (leben)	покупать (kaufen)
умирать (sterben)	продавать (verkaufen)
вставать (aufstehen)	торговать (handeln)
ложиться (sich hinlegen)	мерить (messen)
ходить (gehen)	весить (wiegen)
бегать (laufen)	вешать (hängen)
прыгать (springen)	поставить (hinstellen)
танцевать (tanzen)	положить (hinlegen)
садиться (sich setzen)	взять (nehmen)
падать (fallen)	резать (schneiden)
приходить (kommen)	рубить (hacken)
уходить (fortgehen)	строить (bauen)
скрыться (verschwinden)	шить (nähen)
оставаться (bleiben)	чинить (ausbessern)
ехать (fahren)	оставлять (lassen)
воевать (kämpfen)	понимать (verstehen)
спорить (streiten)	радоваться (sich freuen)
говорить (sprechen)	горевать (trauern)
сказать (sagen)	плакать (weinen)
рассказывать (erzählen)	смеяться (lachen)
учить (lehren)	возить (führen)
учиться (lernen)	перевязать (verbinden)
читать (lesen)	мыться (sich waschen)
писать (schreiben)	купаться (baden)
считать (rechnen)	лечить (heilen)
отворить (öffnen)	работать (arbeiten)
закрыть (schliessen)	думать (denken)
хотеть (wollen)	пить (trinken)
желать (wünschen)	есть (essen)
брать (nehmen)	поститься (fasten)
давать (geben)	спрашивать (fragen)
получать (erhalten)	отвечать (antworten)
верить (glauben)	мочь (können)
уважать (ehren)	служить (dienen)
любить (lieben)	слушаться (gehörchen)
платить (zahlen)	

Говоря о выборе глаголов для самоучителя немецкого языка, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, он отражал реалии оккупированных территорий. В выбранных глаголах⁴¹ мы слышим эхо военного времени (*ненавидеть, перевязать, умирать, плакать, потерять, горевать, воевать, скрыться, чинить, оставлять*); однако большую их часть составляли глаголы движения, называющие простейшие действия (*закрыть, открыть, читать, считать, падать, лежать, сказать, рассказать*), а также действия, связанные с физическим трудом и обеспечением жизнедеятельности (*мерить, весить, торговать, строить, рубить, возить*). И, наконец, в наборе глаго-

⁴⁰ Сохранен порядок, данный в самоучителе.

⁴¹ Автор опускает модальные глаголы.

лов отражена медиация первоначальных установок в отношении местного населения (*танцевать, любить*).

С другой стороны, самоучитель не содержал глаголов *повесить, расстрелять, убить* и пр., которые отражали репрессивные действия оккупационных властей в отношении партизанского движения и любого неповиновения со стороны местного населения. В этой части, конечно, создавалась предпочтительная реальность, которая была призвана декларировать социальный мир и гармонию оккупационных властей и местного населения.

Самоучитель предлагал названия цветов (13 слов); имена прилагательные с указанием качественных характеристик (*большой – маленький, соленый – кислый, грязный – чистый*), выстроенных в оппозиции друг к другу (45 слов). Был дан перевод имен числительных от одного до миллиона; наречий места (22 слова: *сюда – туда, близко – далеко* и пр.); наречий времени (14 слов: *вчера – сегодня, всегда – иногда, часто – редко, поздно – рано*).

Наибольший интерес вызывает подбор имен существительных, представленных для изучения. Именно он дает возможность анализировать то лексическое поле, множество слов, понимание которых должно было быть единым для местного населения и оккупационных сил. Поскольку самоучитель составлялся оккупационными администрациями, он выражал их основные намерения и описывал те области повседневной жизни, в которой они хотели быть понятыми местным населением.

Отдельный блок представляли слова, описывающие богослужение (16 слов), имевшие отношение к отправлению религиозного культа: *Бог, Христос, Святой дух, святые, священник, крестины, обедня, молебен, панихида, алтарь, икона, церковь, крестный ход, крест*.

Сюда же можно отнести и названия праздников (16 слов), значительную часть из которых составляли, наряду с Новым годом, праздники религиозного происхождения: *Крещение, Сретение, Масленица, Благовещение, Вербное Воскресение, Светлое Христово Воскресение, Вознесение, Троицын день, Успение, Рождество Богородицы, Рождество Христово, Преображение Господне, Крестовоздвижение, именины, день рождения*.

Таким образом, 32 существительных были связаны с религиозной тематикой. Это легко объясняется тем, что на оккупированной территории широко проводилась пропаганда возврата к религиозным ценностям. Открытие церквей было не самоцелью, а частью программы стирания памяти о советском прошлом. Активно проводилась попытка вовлечения священства в коллаборационистскую деятельность. Объявляя советский строй ненастоящим социализмом, нацистская пропаганда обвиняла советский режим не только в необоснованных репрессиях, но и в запрете на религиозную деятельность на территории СССР. Религиозный дискурс был частью антисоветского дискурса, декларацией мнимого возврата к утраченным ценностям, еще одной личиной «свободы» от советского режима.

Показательно, что в разделе «природа и погода» (28 слов) самоучителя значительное место уделено характеристике русского климата: *зима, буря, тучи, гром, молния, дождь, снег, град, мрак, холод, мороз* (*der Winter, der Sturm, die Wolken, der Donner, der Blitz, der Regen, der Schnee, der Hagel, die Finsternis, die Hitze, der Frost*). Метафора «*русская зима*», всегда имевшая для европейца резко отрицательную коннотацию (что-то непреодолимое, то, чему невозможно противостоять, что несет гибель) [Дацишина 2011 г: 149–156], была запрещена к использованию внутри Германии: это выражение Гитлер признавал «психологически опасным» и подлежащим изъятию из употребления [Гальдер 2010: 532]. «Сибирь – пугало для всех. Вероятно, такое представление возникло по книгам: по Толстому, Достоевскому и т.д.», – отмечал немецкий военнопленный Эккарт Брист⁴². В своих воспоминаниях Лени Рифеншталь писала, что мысль о русской зиме

⁴² Протокол допроса военнопленного ефрейтора 3-й роты 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии Эккарта Бриста, произведенный подполковником Аржановым 22.11.43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 168. Л. 42.

порождала в ее сознании сюрреалистические картины, от которых оставалось впечатление непреходящего ужаса⁴³. Показательно, что такие видения возникали у режиссера Лени Рифеншталь, которая до этого принимала активное участие в зимних съемках в Гренландии, была завзятой лыжницей, любила горы и снег, снималась при температуре минус 28 градусов в картинах Арнольда Фанка и не испытывала неприязни к зиме, которая была характерна, например, для Гитлера. Гитлер объяснял свою патологическую нелюбовь к холоду как мистик, он повторял в ближнем кругу: «Я всегда ненавидел снег <...> я всегда его ненавидел. И теперь знаю, почему. Это было предчувствие» [Тревор-Ропер 2004: 308]. Популярный анекдот, ходивший по рейху в 1943 г., также отсылал к «зимней» теме: «В чем разница между Германией и Россией? – спрашивал один. – В России прохладнее, – отвечал другой» [Герцштейн 1998: 490–491].

Уже в январе 1947 г. в Германии Эрнст Юнгер записал в дневнике: «Сибирская стужа. Приятная мысль, что вместе с ней совсем близко подступает смерть, обретая характер атмосферы» [Юнгер 2007: 319]. Таким образом, сибирский мороз, мороз как имманентная черта России и неминуемая гибель от мороза в России были неразрывно связаны в сознании немецкой оккупационной армии, да и нации в целом. Этим объясняется внимательное отношение составителей самоучителя к подробному описанию возможных катаклизмов, с которыми сталкивалась немецкая армия на территории СССР.

Традиционными для любого самоучителя являются разделы «время», «дни недели», «названия месяцев», поэтому мы не будем останавливаться на них подробно.

Значительное место в рассматриваемом самоучителе было уделено существительным, которые описывают человеческое тело, его физические особенности. К ним относилось 46 слов: *голова, волосы, лицо, лоб, глаза, брови* и др. (*der Kopf, die Haare, das Gesicht, die Stirn, die Augen, der Augenbrauen, die Nase, die Ohren, die Wangen, das Kinn, der Bart, der Schnurrbart, der Mund, der Lippen, die Zunge, der Hals, die Gurgel, das Genick*).

При этом важно отметить, что чувства и способности (точнее, состояния, настроения. – М. Д.) человека (*ум, разум, воля, мысль, память, любовь, ненависть, дружба, вражда, желание, радость, печаль, счастье, несчастье, боль, зрение, талант, вкус* и пр. – *die Seele, der Verstand, die Vernunft, der Wille, der Gedanke, die Liebe, der Hass, die Freundschaft, der Wunsch, die Freude, die Trauer, das Glück, das Unglück, der Schmerz, das Sehen, das Talent, der Geschmack*) описаны гораздо меньшим числом существительных по сравнению с физическими характеристиками тела: 20 против 46.

Выделим основные причины, которые обусловили такой выбор. Во-первых, значимыми качествами местного населения являлись прежде всего их физическая выносливость и способность выполнять трудовые повинности, необходимые для оккупационных администраций. Во-вторых, наличие подробного описания физического облика человека обеспечивало контролирование социальной мобильности населения на оккупированной территории, что было особенно важно в рамках организованного противостояния советских партизанских подразделений и иных проявлений неповиновения оккупационному режиму. В-третьих, описание объявленных социально чуждыми на оккупированных территориях групп населения (в том числе этнических) нередко сводилось к описанию именно внешних физических характеристик. Так, на оккупированных

⁴³ Приведем текст мемуаров дословно: «Немецкие войска <...> стояли в 30 километрах от Москвы <...> В это время меня стали преследовать ночные кошмары. Ужасы войны полностью овладели моим подсознанием. Я видела сюрреалистические картины из снега, льда и человеческих тел, которые распадалась на части и снова, как в игре-головоломке, соединялись воедино. Мне мерещилось море крестов на белых кладбищах и снятые с лиц умерших гипсовые маски, покрытые льдом. Образы то расплывались, то снова становились резкими, то приближались, то вновь удалялись, словно снятые с борта входящего в штопор самолета. Потом мне казалось, будто я слышу крики, – ужасный сон! Спустя несколько часов после пробуждения радио сообщило, что продвижение немецких войск в России прекратилось из-за наступления сибирских морозов, которые привели к большим человеческим жертвам» [Рифеншталь 2006: 266–267].

территориях можно было встретить оскорбительные плакаты с портретами Соломона Михоэlsa⁴⁴ и подписью: «Так выглядит еврей».

Значительное место самоучитель уделит сущестительным, определяющим степень родства – 31 слово: *мужчина, женщина, отец, мать, сын, дочь, мальчик, девочка, дитя, брат, сестра, старик, старуха, внучка, дедушка, бабушка, внук, внучка, дядя, тетя, племянник, племянница, кум, кума* и пр. (*der Mann, die Frau, der Vater, der Mutter, der Sohn, die Tochter, der Knabe, das Mädchen*). Это объяснялось жесткой регламентацией пребывания различных групп населения на оккупированной территории: изматывающая смена документов, введение специальных разрешений и пропусков часто зависели от степени родства тех или иных жителей оккупированной территории между собой. Часто цитируется известная сентенция Гимmlера о том, что репрессивные меры против родственников якобы являются древним германским обычаем: «Когда человека объявляли вне закона, то говорили <...> у него дурная кровь <...> она будет вытравлена. И вся семья, включая самых отдаленных родственников, истреблялась» [Васильчикова 1994: 211].

Отдельно стоит упомянуть о фактическом запрете разводов на оккупированных территориях. Это объяснялось не стремлением оккупационных властей укрепить семейные отношения среди местного населения, а намерением жестко отслеживать перемещение внутри зоны оккупации. Женщина и мужчина лучше контролировались, если их брак был «нерушим». Это было еще одним из приемов снижения социальной мобильности населения, что, в свою очередь, обеспечивало максимальный контроль за каждым жителем.

Особое внимание уделялось обеспечению постоянной оседлости населения, вводились запрет на передвижение без специального разрешения комендатуры, расстрел за хождение в ночное время, жесткие системы прописки, практиковались постоянные перерегистрации – все это гарантировало оккупационным властям относительный контроль над территорией и населением. Иногда доказанное родство могло спасти человеку жизнь или отнять ее, если он оказывался родственником партизана или зараженного инфекционным заболеванием человека.

Весьма показательным был подбор сущестительных в разделе «д о л ж н о с т ь и п р о ф е с с и я» (38 слов). С одной стороны, были выделены должности и профессии, которые называли представителей оккупационных властей и коллаборационистских администраций (*генерал, староста, городской голова – der General, das Stadthaupt, der Bürgermeister*), с другой стороны, описаны возможные сферы занятий местного населения (*купец, художник, музыкант, парикмахер, часовщик⁴⁵, плотник, столяр, каменщик, печник, слесарь, кузнец, садовник, шофер, портной, портниха, сапожник, слуга, служанка, повар, кухарка, дворник, извозчик, почтальон, чиновник, кучер – der Kaufmann, der Künstler, der Musiker, der Coiffeur, der Uhrmacher, der Zimmermann, der Tischler, der Maurer, der Ofensetzer, der Schlosser, der Schmied, der Kraftwagenführer, der Schneider, der Schuhmacher*). Таким образом, определялись основные сферы занятий для местно-

⁴⁴ Михоэls (наст. фамилия – Вовси) Соломон Михайлович (1890–1948) – известный театральный деятель, с 1929 г. был руководителем Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Во время Великой Отечественной войны был одним из руководителей Еврейского антифашистского комитета. Успешно принимал участие в организации просоветского дискурса в США, Канаде, Великобритании; активно привлекал средства еврейских общин для борьбы СССР с нацистской Германией. Михоэls был одной из персональных мишеней, которые использовала нацистская пропаганда на временно оккупированных советских территориях.

⁴⁵ Оккупационная армия требовала не только часовщиков, но и ювелиров. В 1950-е гг. Манштейн вспоминал, что после падения Севастополя майор Генерального штаба Эйсман ночью выехал в Симферополь. «Там он поднял с постели одного татарина, золотых дел мастера, дал ему свои серебряные часы и приказал к утру сделать из серебра, содержащегося в часах, одну пару маршальских жезлов на мои погоны. Когда я 2 июля появился к завтраку, жезлы, с тонкой гравировкой, лежали на моем месте. Это был трогательный знак привязанности, и именно поэтому он доставил мне большую радость». Цит. по: Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1999.

го населения, которые были необходимы для обслуживания многомиллионной армии – портные и сапожники, парикмахеры, часовщики, каменщики и столяры, плотники и садовники. Для размещения немецких солдат использовались школы, больницы, клубы. Отдельно стоящих зданий, которые можно было использовать в качестве казарм, не хватало. Значительная часть немецкой армии размещалась в частных домах. Поэтому слова *хозяин* и *хозяйка* (*der Wirt, die Wirtin*) были важны в повседневном общении. Показательно, что социальные роли были разведены: оккупационные власти и представители коллаборационистских администраций – это *господин* и *госпожа* (*der Herr, die Herrin*); представители местного населения – *гражданин* и *гражданка* (*der Bürger, die Bürgerin*). Примером агрессивной социальной регрессии на вербальном уровне был возврат в повседневный словарь слов *слуга* и *служанка* (*der Diener, die Dienerin*). В советское время эти слова были практически вытеснены из повседневного обихода, а обращение *товарищ* было символом социального и гендерного равенства (тождества).

В разделе «мужская одежда» (17 слов) абсолютное большинство составляли существительные, называющие предметы теплой одежды, остро необходимые в холодное время года: *шуба, шинель, пальто, жилет, штаны, шапка, перчатки, воротник, валенки, галоши, сапоги* (*der Pelz, der Uniform-mantel, der Mantel, der Anzug, der Oberrock, die Weste, die Hosen, die Socken, die Mütze, die Handschuhe, der Kragen, die Filzstiefel, die Gummischuhe, die Stiefel*). Немецкая армия до конца войны с СССР была недостаточно обеспечена теплой одеждой. Настоящая катастрофа разразилась зимой 1941/1942 гг. Но и зимние месяцы 1941/1943 гг. и 1943/1944 гг. также стали для немецкой армии в России большим испытанием.

Основной проблемой в России немецкие генералы, да и сам Гитлер, считали русские морозы [Дацишина 2011: 149–156]. Так, в октябре 1941 г. глава имперской прессы Отто Дитрих⁴⁶ потребовал, чтобы немецкая пресса напечатала заголовки, утверждающие, что кампания в России – дело решенное. Эти требования исходили напрямую от Гитлера, который спешил убедить немцев в том, что «военные действия в России зимой не будут нужны» [Герцштейн 1998: 121–122]. Даже Геббельс, регулярно призывавший не делать никаких голословных утверждений, совершил свою знаменитую непростительную ошибку: осенью 1941 г., несмотря на замедлявшийся ход кампании в России, он отказался призвать к кампании по сбору теплых вещей «Зимняя помощь» для немецких солдат, сражавшихся в России. Министр пропаганды полагал, что это может быть «не по нутру» немецкому народу [Там же: 96–97]. В результате вермахт не был оснащен. Не хватало шуб, перчаток на меху, но хуже всего было с обувью: гвозди, которыми были подбиты кожаные сапоги с короткими голенищами, были идеальными проводниками холода. Даже когда начались поставки зимней одежды, они покрыли только 30% общей потребности. Почти каждый второй немецкий солдат получил обморожение. В некоторых частях количество смертей от обморожения было больше, чем от огня Красной Армии. Целые оружейные расчеты замерзали прямо на своих позициях. Как вспоминал один из участников боев под Москвой, солдаты оружейного расчета стояли на коленях позади пушки, превратившись в кусок льда. Тяжелораненые умирали на пути в эвакуацию в промерзших вагонах товарных поездов [Кноп 2009: 91]. Теплая одежда могла спасти жизнь немецкого солдата, поэтому знание местными жителями названий теплых вещей было важно для оккупационных властей. Это приобретало особое значение в условиях существовавшей системы постоянных изъятий у местного населения теплых вещей на нужды немецкой армии.

В отличие от раздела «мужская одежда» в разделе «женская одежда» (9 слов), наряду с *юбками* и *блузками*, были даны существительные, называющие скорее пред-

⁴⁶ О. Дитрих, будучи назначенным на должность статс-секретаря Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, после начала Второй мировой войны ежедневно направлял в средства массовой информации Германии директивы о том, как интерпретировать события на фронте. До середины 1944 г. Дитрих имел больше власти над заголовками немецких газет, чем Геббельс. В отличие от Геббельса, он постоянно находился в ставке Гитлера и фактически ретранслировал слова Гитлера для немецкой прессы.

меты роскоши военного времени: чулки, туфли, шелк, белье (*die Strümpfe, die Seide, die Wasche*).

Этому также было свое объяснение. Расовые запреты на контакты с представителями населения оккупированных территорий очень слабо влияли на реальные отношения солдат немецкой армии и местного женского населения. Эти контакты имели большую амплитуду: от актов насилия до добровольного сожительства и даже романтических отношений. Поскольку в условиях открытого физического насилия, которому подвергались жительницы оккупированных территорий, общий язык не был нужен, мы не будем на этом останавливаться подробно.

Видимость порядка на оккупированной территории в области сексуальных контактов с местным населением было решено придать путем объявления о введении проституции как профессии. В оккупированных городах вывешивались объявления, в которых русским женщинам предлагалось «поработать» в домах терпимости по месту жительства, обслуживая оккупантов. В октябре 1942 г. в г. Россошь Воронежской области было объявлено об открытии публичного дома и о наличии 80 «новых рабочих мест». Оккупационные войска организовали себе досуг, открыв в этом городе три ресторана и казино. Публичные дома открывались в оккупированных районах Воронежской области повсеместно: в Хохле, Нижнедевицке, Воронеже и пр. [С. Филоненко, Н. Филоненко 2005: 141]. В оккупированном Минске уже к сентябрю 1941 г. было открыто несколько притонов для немецких солдат и офицеров, куда насильно забирали молодых девушек⁴⁷. К январю 1943 г. в Минске, согласно данным советской разведки, было пять домов терпимости, фамилии владельцев были засекречены. На каждом доме была установлена вывеска «Дом красавиц», в них содержалось от 30 до 40 девушек⁴⁸. Пока нет статистики по соотношению постоянных и временных публичных домов на оккупированных советских территориях. Трудно оценить их количество и число женщин на оккупированных территориях, вовлеченных в проституцию.

Вместе с тем основная часть женщин, вынужденных заниматься проституцией, шла на это от безысходности в тяжелых условиях оккупации. Это отмечалось в различных донесениях, поступавших с оккупированных советских территорий: и в отчетах СД, которые получали в Берлине, и в докладных записках советских подпольщиков, поступавших в Центральный штаб партизанского движения⁴⁹. Показательно, что моральные устои у девушек из СССР были очень высокими. Гитлер в разговорах с ближним окружением неоднократно упоминал, что до 80–90% девушек на оккупированных территориях СССР, которые были обследованы немецкими врачами, являются девственницами. 30 августа 1942 г. он ссылаясь на результаты медицинского освидетельствования вывезенных на работы в Германии девушек, которые до 25 лет оставались в подавляющем большинстве девственницами [Тревор-Ропер 2004: 595, 617].

Введение домов терпимости не могло прекратить «неорганизованные» контакты солдат и офицеров вермахта с местным женским населе-

⁴⁷ Спецсообщение «О деятельности немецких фашистов на временно оккупированной территории Белорусской ССР» начальника 1-го Управления НКВД СССР Фитина, составленное для Секретаря ЦК ВКП (б) Щербакова 13 сентября 1941 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 59.

⁴⁸ Информационная записка «О положении в Минске к январю 1943 г.», составленная для П.К. Пономаренко. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–85.

⁴⁹ Фонд Министерства по делам оккупированных восточных территорий Российского государственного военного архива (далее – РГВА) содержит значительный блок документов, включающих отчеты СД о настроениях на оккупированных советских территориях. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 12 содержит доклад имперского комиссара в Латвии от 12 марта 1942 г. о политическом и экономическом положении в Латвии в 1942 г.; Ф. 1358. Оп. 1. Д. 13 содержит материалы о настроениях латышского народа; Ф. 1358. Оп. 1. Д. 14 содержит материалы о настроениях в Прибалтике и пр. Часть отчетов СД была переведена на русский язык и сейчас хранится в личном фонде главы Центрального Штаба партизанского движения П.К. Пономаренко в РГАСПИ. Ф. 625. См., например: Сообщения СД из занятых восточных областей 29 мая 1942 г., Берлин. РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 43. Л. 843–862.

н и е м. Отсутствие достаточного числа казарм вынуждало немецких солдат и офицеров размещаться на постой в частных домах. Некоторые женщины вступали в близкие отношения ради защиты от приставаний других солдат, некоторые – чтобы прокормить детей, престарелых родственников.

Существовало и *в з а и м н о е* *п р и т я ж е н и е*, и взаимный интерес женщин и девушек на оккупированных территориях к немецким солдатам и офицерам. Как правило, чаще налаживались взаимные отношения, если девушки немного говорили по-немецки или знали язык. Так, свидетели оккупации Курской области, где было устроено несколько публичных домов, отмечали, что были и романтические отношения с немецкими солдатами. В летние месяцы 1942 г. «солдаты гуляли с деревенскими девушками и пользовались у них успехом, так как угощали конфетами, и даже дарили цветы, и играли на губных гармошках – развлекали, и “не лапали сразу”, а “вели себя культурно”. Потом в результате этого “культурного поведения” на свет родилось несколько “немчат”» [Оккупированное детство 2010: 30].

Для общения с женщинами на оккупированных советских территориях солдаты вермахта должны были быть понятыми и иметь гарантии, что их поймут, когда они станут использовать, с одной стороны, слова *платить, чулки, белье, танцевать*, а с другой стороны, *любить, чувствовать*.

Таким образом, специфика отношения оккупационных сил к русскому климату и женскому населению причудливо отразилась в словарном запасе для описания мужской и женской одежды.

Раздел «*п и щ а*» (23 слова) содержит существительные, называющие самые обыденные съестные припасы, которые использовались в пищу на оккупированной территории: *хлеб, булка, сухарь, блины, суп, щи, уха, каша* и пр. Как известно, в день нападения на СССР части вермахта были снабжены продовольствием всего на 20 дней. Дальнейшее обеспечение предполагалось за счет оккупированных территорий. Этим объясняется набор слов в графе *пища*. Показательно, что в него включены блюда русской, украинской кухни (*блины, щи*).

Раздел «*н а п и т к и*» (10 слов) содержит существительные, называющие *воду, водку, лимонад, вино, пиво, чай, кофе, молоко, сливки, уксус*. Конечно, ни лимонад, ни кофе, ни тем более сливки не были повседневными продуктами питания и напитками у населения оккупированных территорий. Данный набор слов мог понадобиться местному населению при выполнении различных натуральных налогов по распоряжению оккупационных властей в процессе торговли или натурального обмена, во время обслуживания в ресторане, столовой или кафе представителей немецких оккупационных сил. Как вспоминали жители, пережившие оккупацию на Украине, необычайно популярным стало слово *кафе*: «Это слово было в моде. Кафе считалось шиком. На всех пивных <...> висели самодельные вывески» [Гурченко 1987: 66].

Самый значительный блок составляли существительные, называвшие *с е л ь с к и й* *д о м* и относящиеся к нему предметы (97 слов); *н а з в а н и я* *д и к и х* *и* *д о м а ш н и х* *ж и в о т н ы х* *и* *п т и ц*, *р ы б* (46 слов). Сюда же можно отнести и отдельный блок (33 слова) в разделе «*х л е б а*, *р а с т е н и я* *и* *п л о д ы*»⁵⁰.

В отдельный раздел, на первый взгляд, несколько выбивающийся из общего контекста, собраны существительные со значением «*м и н е р а л ы* *и* *м е т а л л ы*» (13 слов): *платина, золото, серебро, медь, железо, свинец, олово, сталь* и пр. Однако кажущееся противоречие легко снимается, если вспомнить, что основной целью в отношении оккупированных территорий было экономическое ограбление⁵¹, масштабный вывоз в Гер-

⁵⁰ Автор опускает перечень слов, которые описывали сельский дом, домашних и диких животных, равно как перечень и перевод числительных и наречий. В контексте статьи большее значение имеет количественная характеристика данного словарного блока, нежели отдельные характеристики каждого слова.

⁵¹ В дневниках сотрудников различных экономических немецких штабов, работавших на оккупированных территориях, находим записи (сентябрь 1942 г.): «В Эстонии имеется пять миллиардов тонн нефтяных сланцев, то есть миллиард тонн нефти. Сегодняшняя добыча – 160 000 тонн

манию сырья, полезных ископаемых, хлеба, леса и рабочей силы. Разнарядки сырья и продуктов, которые должны были сдавать отдельные хозяйства и целые волости, включали детально расписанные таблицы с количеством яиц, молока, мяса, лекарственных трав, овощей и пр. При этом основной сферой деятельности для местного населения определялся физический труд, труд на земле. Что касается диких животных и рыбы в реках и прудах, жителям оккупированных территорий охота и рыбалка были запрещены. Во-первых, все уголья становились собственностью Германии, во-вторых, охота и рыбалка предполагали отсутствие на месте регистрации и способствовали социальной мобильности, в-третьих, они могли сделать легитимным хранение и использование огнестрельного оружия. Существительные, называвшие виды даров дикой природы, были своего рода табуированным оккупационными властями списком.

В отдельном разделе перечислены пресмыкающиеся и насекомые (15 слов); здесь среди прочих названы клопы, блохи и вши (*die Wanze, der Floh, die Laus*). Такой выбор слов неслучаен. Кожные паразиты были бичом вермахта. Об этом регулярно докладывали полковые врачи, которые писали в донесениях о стопроцентной завшивленности солдат. Уже 29 ноября 1941 г. полковой врач 173-го пехотного полка отмечал следующие заболевания среди немецкой пехоты: вшивость – 100%; кожные заболевания – 33%; отеки – 20%; зубные заболевания – 50%; ревматизм – 35%; катар верхних дыхательных путей – 22%; катар желудка – 19% ⁵².

Кроме словаря самоучитель приводил примеры коротких бесед («топиков»). Остановимся на тематике коротких разговоров, данных на страницах самоучителя немецкого языка.

1. Разговор двух коллег, один из которых приглашает другого на прогулку.
2. Разговор в банке (пункте обмена валюты), где один из героев меняет 100 марок.
3. Разговор с директором школы о том, что сын пропускает занятия по уважительной причине (простуда).
4. Посещение врача с целью пригласить его осмотреть больного ребенка на дому.
5. Разговор на почте: покупка почтовых марок, отправка заказных писем, бандеролей и телеграмм в Берлин и Вену.
6. Разговор на перроне вокзала, поиск носильщика, покупка билета.
7. Обед в ресторане, заказ по меню горячих блюд, кофе и фруктов.
8. Приглашение в гости вечером послушать радио.

Очевидно, что данные ситуации не были типичными для всех жителей оккупированных советских территорий, в них могли попасть либо сотрудничавшие с немцами жители, либо, скорее всего, сами немцы, служившие в вермахте или работавшие в различных экономических организациях на оккупированных территориях и приехавшие вместе с семьями ⁵³. Кроме того, в ряде зон оккупации жителям оккупированных территорий был запрещен проезд на поездах.

В большей степени понимание этих коротких разговоров требовалось тем, кто в них непосредственно не участвовал, а оставался понимающим наблюдателем, пассивным участником диалога, т. е. тем, кто обслуживал представителей оккупационных властей на почте, в обменном пункте, на железной дороге, в ресторане и пр.

Как можно оценить словарный запас немецких слов для жителей временно оккупированных советских территорий?

Абсолютным лидером по количеству слов была группа существительных, называвших предметы быта сельского жителя (*сельский дом, предметы сельского быта, домашние и дикие животные, рыбы, птицы, культурные и дикие растения*) – 176 слов.

в год, скоро она должна достичь 500 000 тонн; в дальнейшем цель – 2 миллиона тонн в год. Месторождение по качеству сравнимо с Бакинским, хотя переработка дороже, не больше, чем гидридными установками в Германии» [Хмельницкий 2010: 162].

⁵² Записка полевого врача 173-го пехотного полка для командования полка о состоянии здоровья солдат и офицеров немецкой пехоты. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 80. Л. 19.

⁵³ О встречах с немецкими детьми в оккупированном Киеве с горечью вспоминал А. Кузнецов в книге «Бабий Яр».

Манипулятивная ставка нацистской пропаганды на крестьянство, для которого метафора *свободы* имела свою интерпретацию – свободу от колхозной системы и возврат к единоличным хозяйствам, а на самом деле оборачивалась откровенным грабежом ресурсов страны, – находила свое отражение в активном словаре немецкого языка, который был средством коммуникации на оккупированной территории.

Интересны гендерные различия, которые отразились в наборе слов по темам «мужская одежда» и «женская одежда». Предметы мужской одежды, особенно верхней зимней одежды, интересовали оккупационные войска по причине недостаточной подготовленности вермахта к ведению боевых действий в условиях русской зимы. Что касается предметов женского туалета, то чулки и шелковое белье часто были на оккупированных территориях предметами обмена между представителями оккупационных войск и местными жительницами в зависимости от тех отношений, которые складывались между ними.

Своеобразная агрессия иноязыка приводила к искажениям в русских текстах. Например, в переписке различных подразделений оккупационных администраций стали встречаться такие обороты русской речи: «*Инспектурой* окружного отдела была произведена проверка»⁵⁴.

Переименованные на немецкий лад улицы действовали раздражающе, как вспоминала участник Великой Отечественной войны и первый переводчик дневников Геббельса на русский язык Елена Ржевская: «Действовало на нервы то, что названия наших деревень написаны по-немецки, да еще с искажениями, выявляющими чужой акцент» [Ржевская 2010: 43]. При освобождении городов солдат Красной Армии раздражали «кривляющиеся на домах готические буквы» [Эренбург 2004: 468].

Итак, основными намерениями оккупационных властей, реализованными с помощью внедрения немецкого языка, были доктринальные установки:

- уничтожение памяти о советском прошлом как несправедливом, ненастоящем социализме;
- закрепление религиозной лексики;
- стирание памяти о «русском присутствии» в Белоруссии, Украине и Прибалтике;
- раскол славянских народов, замена на части оккупированных территорий кириллицы латинским шрифтом;
- заигрывание с частью националистически настроенных представителей местной интеллигенции;
- вербальное введение программы социальной регрессии, возвращение в прошлое, отбрасывание на 20–25 лет назад;
- закрепление представления об отсталости страны и ее преимущественно сельскохозяйственном и сырьевом предназначении;
- раскол местного населения на основную массу и тех, кто сотрудничал с оккупационными администрациями (*граждане* и *господа*);
- закрепление новых социальных ролей (с одной стороны – *вождь, офицер, господин*; с другой стороны – *сапожник, слуга*);
- лексическое обеспечение экономического разграбления оккупированных территорий (лексика полезных ископаемых, сырья, сельскохозяйственных продуктов);
- актуализация истории Германии как передовой страны на фоне декларированного отставания местного населения на 20–25 лет;
- пропаганда новых героев и объектов подражания из числа немецких деятелей истории, науки, культуры;
- пропаганда военных достижений Германии, утверждение тезиса о ее непобедимости;
- оправдание оккупации, встраивание ее в исторический контекст через немецкие топонимы и названия.

⁵⁴ Приказ № 134 по Локотскому Окружному управлению от 16 ноября 1942 г. за подписью комбрига Каминского. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1142. Л. 234.

Безусловно, оправдание военного присутствия с помощью топонимики было более декларативным и более идеологизированным, чем повседневная практика общения оккупационных сил и местного населения. Вместе с тем уже на этом этапе проходила медиация первоначального сообщения, поскольку политика в области топонимики имела свои ограничения. На уровне самоучителей немецкого языка медиация первоначальной установки с учетом прагматических задач реальной оккупации получала свое окончательное закрепление. Задача насаждения немецких названий и обучения местного населения немецкому языку имела различные варианты решения на оккупированных советских территориях.

Прагматика повседневной жизни оккупированных территорий выступала медиатором первоначальных доктринальных установок в отношении интервенций немецкого языка:

- **не были осуществлены замыслы Гитлера стереть все славянские названия с топографических карт оккупированных территорий СССР.** Полное уничтожение славянских топонимов было невозможно. Население не владело немецким языком. Без контактов с местным населением и опоры на его частичную поддержку оккупация была невозможна. Уничтожение славянских названий происходило с разной скоростью: чем ближе к границе находились оккупированные территории, тем агрессивнее происходило насаждение немецких топонимов; чем восточнее от границы располагалась оккупированная территория, тем чаще переименование ограничивалось возвратом к дореволюционным названиям;

- **присутствие многомиллионной оккупационной армии вдали от дома влияло на гендерное разделение лексики, которая использовалась для контактов с мужским и женским населением оккупированных территорий;**

- **контролирование социальной мобильности населения оккупированных территорий определило значительный словарный запас, описывающий кровное родство и кровных родственников, а также физические характеристики человека.**

Мы приходим к выводу, что первоначальные намерения оккупационных сил подверглись на оккупированных советских территориях некоторой медиации с учетом прагматики. Вместе с тем **анализ активного словаря немецкого языка не позволяет говорить о значимости такой медиации** и тем более существенном отклонении от первоначальных целей экономического разграбления оккупированных территорий и использования его сырьевых и человеческих ресурсов. Немецкий язык, та его часть, которая могла быть общим кодом для оккупационных властей и населения оккупированных территорий, формировался с учетом потребностей самих оккупационных властей, а не населения оккупированных территорий. Активный словарь немецкого языка позволял проводить доктринальные установки и решать прагматические задачи оккупационных сил. Игнорирование потребностей населения оккупированных территорий, приписывание ему определенных социально закрепленных ролей служит наиболее ярким доказательством неизменности намерений оккупационных властей в отношении местного населения вне зависимости от периода и зоны оккупации, а также от конкретных глав той или иной оккупационной администрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Ахтамзян 2010 – И.А. Ахтамзян. Нацистский генеральный план «Ост» // Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки. М., 2010.
- Васильчикова 1994 – М.И. Васильчикова. Берлинский дневник 1940–1945. М., 1994.
- Гальдер 2010 – Ф. Гальдер. Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010.
- Герцштейн 1996 – Р.Э. Герцштейн. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996.
- Гурченко 1987 – Л.М. Гурченко. Аплодисменты. М., 1987.
- Дацишина 2011а – М.В. Дацишина. Учебники от Гитлера: программа нацистов для оккупированных советских территорий // Альма-матер. Вестник высшей школы. 2011. № 1. [http://www.almavest.ru/ru/archive/2011/vypusk1\(fevral\)/](http://www.almavest.ru/ru/archive/2011/vypusk1(fevral))

- Дацишина 2011б – М.В. Дацишина. Коммуникация как интенция: дискурс нацистских учебников для временно оккупированных советских территорий в 1941–1944 гг. // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Исторические и социально-политические науки». 2011. № 2.
- Дацишина 2011в – М.В. Дацишина. Семантика текста как инструмент социального управления (из практики нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях. 1941–1944 гг.) // Материалы VIII междунар. науч. конф. «Семиозис и культура: от текста к реальности – от реальности к тексту». 12–13 мая 2011 г. Сыктывкар, 2011.
- Дацишина 2011г – М.В. Дацишина. Тема Наполеона и войны 1812 г. в советской и нацистской пропаганде в ходе Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 6.
- Картотека «Z» 1998 – Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942). М., 1998.
- Клемперер 1998 – В. Клемперер. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога / Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М., 1998.
- Кноп 2009 – Г. Кноп. История вермахта. Итоги. СПб., 2009.
- Нюрнбергский процесс 1960 – Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: В 7 т. Т. V. М., 1960.
- Окк. детство 2010 – Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / Сост. Н. Поболь, П. Полян. М., 2010.
- По обе стороны... 1995 – По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы / Под ред. В.Г. Макурова. Петрозаводск, 1995.
- Рифеншталь 2006 – Л. Рифеншталь. Мемуары. М., 2006.
- Ржевская 2010 – Е.М. Ржевская. Далекий гул: повести, рассказы. М., 2010.
- Семиряга 2000 – М.И. Семиряга. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
- Тревор-Ропер 2004 – Х. Тревор-Ропер. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944 гг. / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. М., 2004.
- С. Филоненко, Н. Филоненко 2005 – С.И. Филоненко, Н.В. Филоненко. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2005.
- Хмельницкий 2010 – Д. Хмельницкий. Нацистская пропаганда против СССР. Материалы и комментарии. 1941–1945. М., 2010.
- Эренбург 2004 – И.Г. Эренбург. Война. 1941–1945. М., 2004.
- Юнгер 2007 – Э. Юнгер. Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948). СПб., 2007.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):
 Фонд 17. Опись 125. Дела 52, 59, 80, 94, 168.
 Фонд 69. Опись 1. Дела 1142, 1143, 1203.
 Фонд 625. Опись 1. Дела 7, 11, 24, 43.
- Российский государственный военный архив (РГВА).
 Фонд 1358. Опись 1. Дела 12, 13, 14.

Сведения об авторе:

Марина Викторовна Дацишина
 Российский государственный гуманитарный университет
 ditrich@list.ru